

титул

*Правила жизни по Тому Хэнксу
Жизнь, увлечения и добрые поступки
самого достойного американского
парня*

Гэвин Эдвардс

Биллу Типперу: ученому и джентльмену

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. <i>О милых людях</i>	9
ЧАСТЬ I. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТОМА ХЭНКСА	17
ЧАСТЬ II. ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ТОМА ХЭНКСА	85
Первая заповедь. <i>Преуспей в главном деле своей жизни</i>	92
Вторая заповедь. <i>Чти жертвы, которые старшее поколение принесло ради цели, кажущейся невозможной</i>	99
Интерлюдия. <i>Питер Сколари, закадычный друг</i>	108
Третья заповедь. <i>Отдайся своим страстям</i>	117
Четвертая заповедь. <i>Уважай женщин</i>	132
Пятая заповедь. <i>Почитай богов в храме бейсбола</i>	137
Интерлюдия. <i>Случайные проявления доброты и веселости</i>	146
Шестая заповедь. <i>Для работы используй правильные инструменты</i>	166
Седьмая заповедь. <i>Не задерживайся на дороге, которую отверг</i>	176
Интерлюдия. <i>Стивен Спилберг и братские узы</i>	187
Восьмая заповедь. <i>Помни, что Шекспир всегда говорит правду</i>	194
Девятая заповедь. <i>Цени друзей, но принимай свое одиночество</i>	204
Десятая заповедь. <i>Стой за то, во что веришь</i>	210
ЧАСТЬ III. ФИЛЬМЫ ТОМА ХЭНКСА	219
Благодарности	339
Примечания	343

Пролог

О МИЛЫХ ЛЮДЯХ

Том Хэнкс — милейший человек. Погодите! Куда это вы?

Поскольку фраза «Том Хэнкс — милейший человек» резюмирует все, что многие люди знают об этом актере, давайте копнем глубже и начнем с понятия «милейший». Это слово редко бывает комплиментом, разве что в устах вежливых бабушек. Иной раз оно звучит почти как ругательство. «Мило», — скажете вы, когда блюдо съедобно, но не впечатляет, или о свидании вслепую, когда не захотите больше встречаться с этим человеком. Куда больше современное общество ценит бунт, звезд, поливающих грязью своих бывших, а также участников реалити-шоу, заявляющих: «Я пришел сюда не друзей заводить».

Понимаю: плохиши бывают невероятно забавными. СМИ десятилетиями с восторгом играли в лицемерную игру «Давайте я скажу, что не одобряю что-нибудь аморальное и сексуальное, и сделаю это как можно подробнее, чтобы все испытали порочное удовольствие». Но в последние годы эти выпады перебрались из телешоу о свиданиях, журналов со сплетнями и линий штрафного броска в центр

нашей культуры, и сейчас все от поп-чартов до института американского президентства создают впечатление смеси из торжества с розами, перебрасывания пустыми фразами и шоу «Кому больше идёт?» (Who Wore It Best?).

Милый — значит, скучный. Милый — значит, никакой. Милый — значит, ванильный. Но если все будут бунтовщиками и контркультурой, то не останется культуры традиционной, которую шлют лесом плохие мальчики и девочки, — и жизнь превратится просто в гонку по нисходящей и мелочные стычки.

Я не собираюсь говорить вам, что надо быть милыми, поскольку это сделает мир лучше. Но я скажу, что добродетельный взгляд на жизнь — когда вы уважаете других и предпочитаете порядочность ругани по мелочам и перестрелкам косыми взглядами — создает благодарную обстановку, в которой жить приятнее. Ваниль — это особый вкус, а не его отсутствие. (Когда Томас Джефферсон впервые попробовал ванильное мороженое в Париже в 1780-е годы, ему так понравилась эта кулинарная новинка, что он переписал рецепт, и тот теперь хранится в Библиотеке Конгресса.)

Милый — давайте определим это качество как «отказ от сиюминутного потакания своим прихотям в пользу общего блага» — это дорога к построению хорошей семьи, созданию великих произведений искусства, отправке людей на Луну. Милые люди бывают суровыми и проливают кровь. Хорошие парни не выиграли бы во Второй мировой войне, если бы не жертвы миллионов людей. Что бы ни сформировало вашу этику — религиозные тексты, бабушка с дедушкой или повторы сериала «Парки и зоны отдыха» (Parks and Recreation), — вы должны сами отыскать способ стать милым человеком. Возможно, вы называете это по-другому, например «самопожертвование» или «человеческое достоинство».

Вот об этом и говорит Том Хэнкс, об этом и вся моя книга. Когда берешь интервью у друзей Тома Хэнкса, почти все они говорят вот что: «Как ты собираешься писать об этом парне?» Они тоже понимают, как трудно продать это качество — «милый». Но, когда утверждают в мысли, что ты справишься, с радостью рассказывают, как повлияло на них знакомство с этим человеком.

«Дух захватывает от этой самой том-хэнксовости Тома Хэнкса. Он — национальное достояние Америки, чего от него и ожидаешь, но он не пресный, не гладенький, не обтекаемый, нет, он остроумный, веселый, жизнерадостный и человечный... а не ужасно миленький манекен» [1].

Стивен Фрай, национальное достояние Англии

«Он — самый состоявшийся актер в истории. Он делает огромную кассу, но еще у него огромные творческие достижения. Он знает, где правда, как в работе, так и в жизни и, как актер, крепко убежден в том, что правда обладает драматической силой. Довольно часты в фильмах моменты вымученные или с подчеркнутой драматичностью; он такого не допускает, и это сильно выделяет его из всех. Я всегда видел в нем ролевую модель в плане характера, этики и морали и часто пытаюсь представить, как бы он поступил в той или иной ситуации. Он — нравственный компас» [2].

*Брайан Грейзер, продюсер фильмов
«Всплеск» (Splash), «Аполлон-13» (Apollo 13)
и «Код да Винчи» (The Da Vinci Code)*

«Этот парень мог бы, должен был бы стать профессиональным военным. У него есть те разум, мотивация, дух и тело, что делают хорошего военного хорошим. Он любознательный и очень умный. Снимите голливудскую шелуху, и он словно

капитан Миллер: обычный человек в необычных обстоятельствах, поднимающийся до необычайных высот» [3].

*Капитан Дейл Дай, морпех США в отставке,
военный консультант фильма
«Спаси рядового Райана» (Saving Private Ryan)*

«Иногда образ мыслей актера подпитывается невротами или страстями. Он другой — то, как он живет, меня очень трогает. У него нежная душа. Я не хочу сказать, что он святой, но он хороший. От его доброты я могу расплакаться. Он, пожалуй, самый милый человек, самый добрый, самый душевный. Все, что о нем пишут, — это правда, и я могу это повторить» [4].

*Холли Фулджер, друг Тома Хэнкса
на протяжении сорока лет*

Я не берусь утверждать, что Том Хэнкс — ангел, который ходит среди нас в облике человека. Хэнкс первым скажет, что он обычный парень с обычными слабостями, но когда просишь, чтобы он признался в какой-то дурной привычке, то максимум, что у него находится, — он не всегда перезванивает, не ответив на вызов. Тем не менее Том Хэнкс сегодня воплощает образ «славного парня», приняв эстафету у мистера Фреда Роджерса. Вот почему все так воодушевились, когда было объявлено, что Хэнкс будет играть Роджерса в фильме «Прекрасный день по соседству» (A Beautiful Day in the Neighborhood). Не то чтобы Хэнкс вылитый Роджерс, но есть ощущение, что он принадлежит к тому же типу.

Когда в 2017 году прокатилась жуткая волна скандалов, связанных с сексуальными домогательствами, люди ухватились за репутацию Хэнкса, словно он — хранитель поп-культуры. «Еще одна актриса обвинила Тома Хэн-

кса в том, что он милейший человек» [5], — гласил один широко разошедшийся пародийный новостной заголовок. Не менее популярен был и такой саркастичный заголовок: «Мир не знает, кем теперь восхищаться, когда Том Хэнкс убил пятерых» [6].

Погодите, дайте человеку высказаться самому.

«Давайте договоримся. Я сложнее, чем вот это вот все. И я пытаюсь донести эту мысль, если мы ведем искренний и честный разговор. Я отвечу на любой, правда, на любой вопрос, если только дело не касается других людей. Как я делаю свою работу. Каково, на мой взгляд, мое место в современности. Я буду говорить об этом до бесконечности. И я думаю, что это куда интереснее, чем “Он — милейший человек” и “Знаете что? Славных парней надолго не хватает”. Меня это не раздражает. Просто скучно» [7].

Том Хэнкс, милейший человек

Обзор жизненных перипетий, достижений и увлечений Тома Хэнкса, возможно (но не обязательно), даст вам карту, которая поможет найти свой путь. Я надеюсь, что эта книга докажет: быть «милейшим человеком» — это достойная цель, а не бесцветная территория с заглушками от детей на всех электрических розетках. Вы не обязаны здесь жить, если не хотите, но я советую вам раздобыть визу и приезжать в гости при каждой возможности.

Когда мы смеемся над «славными людьми», это презрение от страха, то есть из опасения, что быть славным — значит добровольно согласиться на роль неудачника, стать козлом отпущения в космическом анекдоте жизни. Однако существование Тома Хэнкса доказывает ложность этого страха. Он — потрясающе успешный актер по всем критериям: кассовые сборы, узнаваемость или номинации

Часть I
Краткая история Тома Хэнкса

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

Похоже, Том Хэнкс — один из самых талантливых людей в Соединенных Штатах: кинозвезда с двумя «Оскарами», счастливо женатый мужчина, отец четверых детей, актер, заработавший миллионы долларов, парень, настолько рассудительный и уравновешенный, что получил прозвище Американский Папа.

Как и все люди, он — продукт воспитания и потому в речи сыплет словечками из детства, жаргоном, где соединились калифорнийский сленг, здравомыслие, которое дает изучение Библии, и многие часы, проведенные в электронных лучах мудрости телевидения 1960-х. В разговоре Хэнкс запросто использует такие слова, как «выпендренный» (bodacious), «оболтус» (chucklehead), «галиматья» (cockamamie) и «расфуфыренный» (high-falutin'). Это не манерность — на мгновение они приоткрывают во взрослом мужчине проявляется ребенок.

Воспоминания, убеждения и слова кружатся внутри черепа Тома, словно электроны вокруг мозга-ядра, и периодически очередная фраза срывается с орбиты. И тогда

Том Хэнкс перемежает свои речи старомодными восклицаниями: «For crying out loud!», «Holy smoke!», «Jeepers creepers!», «Oh landy». Каждое из них напоминает: чтобы понять Хэнкса надо знать, откуда он родом.

Томас Джеффри Хэнкс родился 9 июля 1956 года в Конкорде, Калифорния, — приморском городке в пятидесяти километрах от Сан-Франциско. Том стал третьим из четверых детей: ему предшествовали сестра Сандра и брат Ларри, а через пять лет за ним последовал брат Джимми. Отец Амос (Бад) Хэнкс вырос на бедной ферме в калифорнийском Уиллоусе, во время Второй мировой войны служил на Тихом океане, механиком в флоте.

После войны Бад захотел пойти в колледж, а затем иммигрировать в Австралию и стать писателем. Но сложилось так, что, работая в ресторане в Беркли, он влюбился в официантку Джанет Фрейджер. Они поженились в Рино в 1950 году; через год у них родился первый ребенок.

Бад работал шеф-поваром: не парень в замызганном фартуке, орудующий грилем в закуской, а человек, отвечающий за банкетные залы и другие масштабные мероприятия. Том рассказывал: «Он руководил кухней в профсоюзных клубах. Заведения с рыбацко-морским антуражем, бамбуковыми барными стульями и грязной, отвратительной кухней» [1].

Бад и Джанет расстались в начале 1962 года, когда Сандре было десять, Ларри — восемь, Тому — пять, а маленькому Джимми не исполнилось и года. «Мои родители одними из первых испытали действие бракоразводных законов в штате Калифорния, — рассказывал Том. — В их честь стоило бы назвать целое крыло в каком-нибудь судебном здании» [2]. Этой фразой он годами отшучивался, избегая вопросов о разводе родителей. Но как на самом деле неловко и страшно было дошкольнику, которому

велели собирать вещи и сказали, что из шкафа он может взять всего одну или две игрушки.

«Мне было всего пять, когда мы впервые переехали. Я почувствовал одиночество, ощутил себя покинутым, во мраке. Никто не объясняет тебе, в чем дело. Только: складывай вещи, бери что хочешь и клади в заднюю часть фургона» [3].

Бад забрал троих старших детей, оставив Джимми с Джанет, и направился в Рино, Невада, где сошелся с Уинифред Финли, у которой было восемь своих детей (правда, трое старших уже жили отдельно). Через два месяца, после того как клан Хэнксов прибыл в Неваду, Бад официально развелся с Джанет; через четыре дня женился на Финли.

«Мы были совершенно чужие, а жили вместе, — говорил Том. — Помню, как в школе нам задали нарисовать свой дом и семью, и мне не хватило мест, чтобы всех разместить. Я посадил их на крышу. Папу я нарисовал в кровати, он спал, поскольку устал после работы в ресторане» [4].

Когда Тому было семь, по дороге в школу его остановили три девочки-подростка. Он их не знал, но они обвинили его в том, что он обидел их младшую сестру, и, чтобы проучить, избили его. «Не знаю, пошла ли кровь, — рассказывал Том, — но помню, как получил удар в лицо женской рукой» [5]. Его явно с кем-то перепутали. Том был одет в серое пальто с ворсом, как настоящий злодей. После этой ужасной встречи он шел в школу и всю дорогу плакал — не столько от боли, сколько из-за несправедливости. Еще одно утро, когда Том не управляет собственной судьбой.

Бад отличался неугомонностью и скептически относился к тому, что его новая жена обратилась в веру мормонов. Его второй брак продлился меньше двух лет, а потом он собрал вещи и уехал из города. «Когда он и она расстались, я больше не видел этих людей, — говорил Том о своих

бывших сводных братьях и сестрах. — О некоторых из них я получал вести, но по большей части понятия не имею, где они» [6]. По подсчетам Тома, семья переезжала семь раз за восемь лет в разные города Северной Калифорнии — Реддинг, Сакраменто, Плезант-Хилл, Сан-Матео, Аламеда, Окленд — или, как выразился Том, «не намного дальше, чем можно уехать на полбаке бензина в трейлере U-Haul, груженном всякой всячиной» [7].

Том осторожно говорит, что кочевое детство его не травмировало, и он рассматривал его как возможность побывать в разных жизненных ситуациях. Он шутил: «Если в доме не было нужной нам вещи, например шкафа, мы переезжали в другой дом, где шкаф был» [8].

Он вместе с братом и сестрой периодически навещал маму, отправляясь на автобусе к ней в Ред-Блафф, в Калифорнию. «И вот чего никогда не бывало, — рассказывал Том о тех поездках, — мы никогда не сидели рядом с такими, у кого был довольный вид или кто был бы с нами дружелюбен. На нас либо не обращали внимания, либо мы сидели рядом с пьяницами» [9]. Иногда поездки были страшными, а иногда получались волшебные.

«Через некоторое время я прочитывал не только все комиксы, что взял с собой, но и всю рекламу в сборниках. В конце концов, я просто смотрел в окно и мечтал. Это было автопутешествие, замечательное, какими бывают автопутешествия, только без мамы и папы на переднем сиденье. У меня лежало немного денег в карманах, и мне надо было преодолеть определенное расстояние. Это было похоже на странствие в безмятежном коконе. Разжигало воображение».

Младший брат Тома Джимми остался с матерью после расставания родителей: она не могла позволить себе содержать больше одного ребенка. Джимми остро чувст-

вовал разделение со старшими братьями и сестрой, и их приезды причиняли ему боль и не способствовали сближению.

Возвращаясь домой, Том занимался дзюдо и играл в бейсбол в Малой лиге, но ему нравилось одиночество. По его словам, он никогда не скучал. Том воображал, что консервный нож — это вертолет; кожаный ремень превращался в скоростной поезд; и с любой вещью он мог возиться часами. «Я научился занимать себя целыми днями, не нуждаясь в каких-либо развлечениях. Я размышлял о всякой вуди-алленовщине: “Когда солнце сгорит?”, “Почему мир такой аккуратный?”, “Почему Джеймс Бонд крутой?”» [10]. Юношеская восторженность еще не столкнулась с ограничениями зрелости. «Возможно, в десять или одиннадцать я буду задаваться вопросами: “Почему я ощущаю одиночество? Почему я ощущаю себя оторванным от других?” Но я до такого еще не дозрел».

Независимость и самодостаточность Тома будут только крепнуть: начиная с 1965 года, когда Тому минуло девять, Бад фактически предоставил детей самим себе. «Законов мы не нарушали, — говорил Том, — только мебель рушили» [11]. Семья Хэнксов жила в квартире 714 в большом доме в Аламеде. Бад работал в стейк-хаусе Castaway на Джек-Лондон-сквер в Окленде в дневную смену с 8:30 утра до 10:30 вечера. Когда он был на работе — то есть все время, — дети делали всё что хотели.

«Мы развешивали пластиковые модели на двухъярусных кроватях, втыкали в них фейерверки и выбегали из комнаты. А они взрывались. Потом мы возвращались и глядели, как они догорают. Мы ни разу серьезно не пострадали. Думаю, отец добродушно похваливал себя: “Вот, мои дети не убились!” — вспоминал Том. — “Да, но, папа, мы были так близки к этому!”» [12].

Дети сами себе готовили, то есть немало томатного супа сожгли, а груды замороженных бобов вывалили в измельчитель отходов. «Мы не знали про соусы, сливочное масло, специи и тому подобные штуки, — говорит Том, — а брюссельская капуста — вы знаете, что она похожа на крысиные мозги? Если их покатасть, кочанчики как бы вытягиваются, и практически видны кости черепа. Я до сих пор их не ем, ведь почти два с половиной года мы только этим и питались» [13].

С понятием дисциплины Том познакомился только в школе. Он обожал ее, и никогда не прогуливал уроки. У него была строгая учительница, миссис Касл, которую он очень уважал. Она говорила ученикам, что надо ложиться в 7:30 вечера и засыпать в 8. Том ровно так и делал.

Он ходил с ума по бейсболу и космической программе, но, когда не спал, большую часть времени проводил у телевизора. «Который час, я узнавал по тому, какая шла передача» [14], — говорил Том. Больше всего он любил программу «Затем появился Бронсон» (Then Came Bronson; Майкл Паркс ездит на мотоцикле по Соединенным Штатам, попадая в разные истории и меняя жизнь людей), но еще ему нравились «Бэтмен» (Batman; утрированная версия с Адамом Уэстом в главной роли), оригинальный «Звездный путь» (Star Trek; Ясон и аргонавты в открытом космосе), «Предоставьте это Биверу» (Leave It to Beaver; жизнерадостный домашний ситком о нукlearной семье), «Семейка Брэди» (Brady Bunch; не менее жизнерадостный домашний ситком о смешанной семье), «Fireball X-7» (приключенческие истории, разыгранные марионетками) и настоящие подводные приключения Жака Ива Кусто. А однажды Том увидел «Семь самураев» Куросавы на местном телеканале, и японский эпос поразил его в самое сердце, как и другой фильм с субтитрами на том же канале: легендарная «Дорога» (La Strada) Феллини.

Бесконтрольное существование детей Хэнксов резко закончилось, когда Тому было десять: его отец женился в третий раз. Новой женой Бада стала Фрэнсис Вонг, официантка в китайском ресторане на Джек-Лондон-сквер. Семья переехала в дом на холмах Окленда вместе с Вон и ее младшей дочерью пяти лет. Новая мачеха Тома хотела установить в доме порядок, но трое младших Хэнксов сопротивлялись.

Хэнкс рассказывал: «Они старались завести правила, но эти правила были невыполнимы. Наш первый вопрос всегда звучал так: “Зачем заморачиваться?” Нельзя взять троих детей — по сути, трех волчат, растивших себя самостоятельно, не важно, хорошо или плохо, — и забрать у них свободу. Мы многому научились за те годы, когда говорили: “Я это могу”. Это как взять кочевое племя и попытаться загнать его в пригородный дом. Честно говоря, все быстро затрещало по швам» [15].

Вместо пиццы и подгорелого супа на обед теперь давали традиционную китайскую еду. Правила и дисциплина заменили бескрайний океан попустительства. После нескольких демонстраций с криком и визгами старшая сестра Тома, уже подросток, покинула дом и переехала к матери. Том и Ларри заняли верхний этаж. «С остальными членами семьи мы общались за едой, — говорил Том, — и то не особо» [16].

Ларри всегда был самым веселым в семье — иногда Тому удавалось посмеять ребят в школе, просто повторяя на следующий день фразочки Ларри, сказанные за ужином, — но теперь Том обретал собственный голос. К старшим классам сформировался его публичный образ: он был шутником, отпускающим остроты, пока класс смотрит обучающее слайд-шоу, и отлично понимающим, как далеко он может зайти, подкалывая старших, чтобы не нажить неприятности.

Учился он в «Скайлайн-Хай» в Окленде, Калифорния. «Это была большая государственная школа, — говорил Том. — Две тысячи детей... Правила полностью поменялись. Да и вообще, я думаю, все уже махнули рукой на правила. К тому времени, как я туда попал, отношение сложилось такое: “Делай что хочешь, главное, не сожги школу дотла”. Впрочем, некоторые все равно пытались» [17].

Том был худющий, кожа да кости. В бейсбол он играл не очень, поэтому записался в команду по легкой атлетике: пробегал 400 метров за 61 секунду. В этом спорте энтузиазм и старательность ценятся больше, чем физические данные. Теперь Том обращал внимание на противоположный пол, но обнаружил, что его интерес не встречает взаимности. «Мне смертельно не везло с девушками в старших классах. Просто король неудачников. Я был слишком странный, слишком неуклюжий и уж чересчур сумасшедший» [18].

Окленд расположен в шестнадцати километрах от Сан-Франциско, где несколько лет назад случилась хиппи-революция, но все это было далеко, словно другая планета. «Я не дитя шестидесятых, я дитя семидесятых, — говорил Том. — Истеблишмент уже лежал в руинах к тому времени, когда я мог бы начать с ним войну. Я уже прыгал по руинам. Контркультура успела расцвести и сгнить прямо у меня на глазах. Я вырос в Окленде в промежуток между эпохой насилия “Черных пантер” и благотворительных акций “Черных пантер”. Народ кругом кайфовал на наркоте и тому подобное. Но от Лета Любви уже ничего не осталось, часто случались потасовки, тебе запросто могли разгромить машину. Вот так вот. Первый встречный скорее изобьет тебя и ограбит, чем скажет: “Слушай, а в парке Золотые ворота — бесплатный концерт”. К тому времени, как я стал сознательной личностью, та эпоха уже ушла» [19].

И поскольку «сила цветов»¹ себя исчерпала, юному Тому пришлось искать иные пути к просветлению. Три открытия изменили его мышление, когда он был ребенком: первое — это «Над пропастью во ржи», роман Дж.Д. Сэлинджера 1951 года, традиционная книга о взрослении для молодых ценителей литературы, которая читается словно секретное послание, скрывающее за циничным фасадом смятенное, но нежное сердце. Том ощущал себя таким же одиноким, как рассказчик Холден Колфилд, — подобно многим подросткам, его удивило, насколько точно книга описывала самые потаенные уголки его души. Еще его поразило, что там употребляется запретное слово «дерьмо».

Другим катализатором стало то, что Том узнал про холокост: он увидел знаменитое фото 1943 года, где нацистские солдаты уводят еврейского мальчика из варшавского гетто в концентрационный лагерь. Том прочитал все о холокосте, что смог достать, пытаясь понять, как методичное убийство шести миллионов евреев могло произойти при жизни его родителей. Молодому сознанию было непросто переварить мысль, что зло — не просто реально, а иногда происходит в промышленных масштабах.

Третье, и самое большое, открытие Тома — научно-фантастический эпос Стэнли Кубрика 1968 года «Космическая одиссея 2001 года» (2001: A Space Odyssey). «Самый влиятельный фильм, картина, история, художественная лента, как ни назови, что я когда-либо видел» [20], — говорил Том. Он с восторгом смотрел, как первые сорок минут большие обезьяны ссорятся из-за источника воды и не звучит ни слова; как реалистична актерская игра в последу-

¹ Лозунг битников, подхваченный в конце 1960-х — начале 1970-х годов хиппи и противниками войны во Вьетнаме. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

ющих главах, что она на грани скучности; как головокружительно грандиозен сюжет. Он был настолько потрясен и поражен, что посмотрел все 142 минуты фильма в кинотеатрах не меньше чем 22 раза. Всякий раз он погружался в ее нарративную логику, всегда замечая что-то новое, еще одну блестящую находку Кубрика. Можно ли винить его в том, что все свободное время он проводил в местном планетарии или стал ассоциировать научные открытия космической программы с новаторскими творческими решениями великого режиссера?

Дома Том достиг мертвой точки взаимного непонимания с отцом. «Он был моей полной противоположностью. Он был застенчивый, некомпанейский, не очень хорошо умел общаться. Он умел работать руками. А у меня был хорошо подвешен язык» [21].

Давным-давно отказавшись от мечты о писательстве, всю жизнь проведя в ресторанном бизнесе, Бад не мог понять, почему сын не хочет идти по его стопам и оставить творческие устремления ради стабильной зарплаты. Он напоминал Тому, что в городе легко найти работу в местной закусочной с бургерами. «Любой дурак за полгода станет помощником управляющего» [22], — говорил он сыну.

Ответ Тома: «Ну, во-первых, спасибо за комплимент. И, во-вторых, я ни разу не слышал, чтобы ты получал удовольствие от того, чем зарабатываешь на жизнь». Но эти слова звучали только у Тома в голове — он прекрасно знал, что не стоит говорить их вслух.

Том нашел новую семью: молодежную группу в соседней пресвитерианской церкви. Возможно, оттого, что у отца не было крепких религиозных убеждений, Том был открыт для самых разных верований. В детстве его растили в католицизме, но первая мачеха была преданной мормонкой. Он часто общался с тетей (сестрой Бада,

Мэри Браммет), принадлежавшей к церкви Назарянина или, как выражался Том, к «ультра-суперметодистам», а большинство его друзей в старших классах исповедовали иудаизм.

«Их не мотало туда-сюда в вопросах веры, они не несли всякую чушь. Единственная небольшая странность заключалась в том, что они всерьез не одобряли танцы... Ты обязан был признать Иисуса Христа своим спасителем. Ты обязан был вручить жизнь Христу. Тебе следовало принять Его в свое сердце. Мне было четырнадцать, и кое в чем я нуждался: не просто то, во что можно верить, не просто убеждения. Я нуждался в некоей форме приятия, чтобы преодолеть одиночество, которое я тогда постоянно чувствовал. Мне хотелось принадлежать к группе... Я был молод и напуган, а весь мир был *гребаный*» [23].

Будучи подростком, только что обретшим веру, Том, естественно, немного перебарщивал, блистая своим неопитством. Его сестра Сандра сказала: «В нем было самодовольство, присущее пятнадцатилетним, словно он увидел свет, а мы, все остальные, пребывали во тьме» [24].

Церковь стала местом, где он нашел моральную опору и где впервые завел серьезные отношения с девушкой, но, самое главное, она стала ему вторым домом, в котором он так нуждался. «Больше всего я хотел выбраться из дома. Дома мне было неуютно» [25].

Примерно в то же время Том полюбил кое-что в школе «Скайлайн-Хай»: драматический клуб. Он поучаствовал в школьной постановке «Дракулы», поскольку его приятель играл там главную роль; еще несколько друзей Тома занимались освещением и прочей технической частью. Его тут же сразили наповал энергия и сплоченность, которые он увидел на сцене. Сидя в зрительном зале, он думал: «Как так, почему я до сих пор этого не делаю?» [26]